

На правах рукописи

ЛАРИОНОВА Алла Юрьевна

**Неформальный студенческий дискурс:
социолингвистический и лингвокультурологический аспекты
(на материале граффити)**

10.02.19 — теория языка

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Екатеринбург — 2011

Работа выполнена на кафедре русского языка
ФГАОУ «Уральский федеральный университет имени первого Прези-
дента России Б. Н. Ельцина» и кафедре современного русского языка
ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горь-
кого».

Научный консультант: Заслуженный деятель науки Российской
Федерации, доктор филологических наук,
профессор
Бабенко Людмила Григорьевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Белякова Светлана Михайловна

доктор филологических наук, профессор
Мокиенко Валерий Михайлович

доктор филологических наук, профессор
Шарандин Анатолий Леонидович

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Уральский государственный
педагогический университет»

Защита состоится **2 марта 2011 года** в ____ часов на заседании
диссертационного совета Д 212.286.11 при ГОУ ВПО «Уральский го-
сударственный университет им. А. М. Горького» по адресу: 620000,
г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в диссертационном зале на-
учной библиотеки ГОУ ВПО «Уральский государственный универси-
тет им. А. М. Горького».

Автореферат разослан «__» января 2011 г.

Ученый секретарь диссертаци-
онного совета, кандидат филоло-
гических наук, доцент

Л. А. Назарова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертация посвящена исследованию неформального студенческого дискурса, представленного в граффити.

Общим для современной теории дискурса является признание за любым дискурсивным творчеством антропоморфного характера, выраженного социального содержания (влияния условий социального контекста и обращенности к нему), динамичности структуры, разноаспектной структурированности и связности компонентов. Специфика проявления данных признаков в разных дискурсивных практиках составляет в современной науке предмет особого исследовательского интереса.

Социолингвистический и лингвокультурологический аспекты анализа граффитийного студенческого творчества имеют целью рассмотрение языка в качестве реального факта жизни социума, языка во взаимодействии с субкультурой. С позиции социолингвистики интерес представляет социотворческая стратегия в отношении семантического, структурного, функционального варьирования избираемых языковых средств, а также адаптации их стилистических характеристик в социотворчестве. Лингвокультурологический аспект акцентирует внимание на субкультурных проявлениях в дискурсе, типичных языковых привычках социума, отражающих его образ жизни, менталитет, ценностно-эмоциональное отношение к действительности и традиции.

В отличие от так называемых старых граффити, традиционно рассматриваемых в лингводиакронном аспекте (в качестве источника знаний о культуре, быте и фактах истории), современные граффити, представляя неформальное вариативно-творческое функционирование языка, нуждаются в изучении с позиции технологии создания, стиля творчества, коммуникативных эффектов, отражающих речетворческие предпочтения социума.

Студенческие граффити (как и иные текстовые граффити) до недавнего времени не были оформлены в научном сознании в качестве значимого объекта лингвосинхронных исследований и воспринимались преимущественно как «грязь на стенах». В данном исследовании граффити рассматриваются в статусе дискурсивных текстов (дискурсивов), представляющих собой субкультурную, социолектную форму коммуникации современной вузовской молодежи, синкретичный тип естественной речи, отличающийся специфичным использованием средств всех языковых уровней (об актуальности исследовательского направления см. работы Т. А. ван Дейка; Ю. Н. Караулова; В. И. Карасика; Е. С. Кубряковой; М. Л. Макарова; П. Б. Паршина; П. Серио; Г. Г. Слышкина; Н. А. Слюсаревой; М. В. Хитиной; А. П. Чудинова; М. Л. Шейгал и др.).

В основу данного исследования положены современные теории дискурсивного и герменевтического анализа, языковой концептуализации и

категоризации. Диссертация ориентирована на системное, многоаспектное исследование студенческого граффитийного дискурса, его ментального лексикона, технологии создания дискурсивов. Теоретико-методологической базой исследования является интеграция традиционных структурно-семантического и синтаксического, а также когнитивного подходов к языку, обеспечивающая комплексный (лингвистический, лингвокультурологический, психо-, этно- и социолингвистический) характер выводов относительно связи исследуемых языковых явлений с социотворческими установками неформально организованного студенческого социума.

Актуальность диссертационного исследования определяется важностью изучения лингвокреативного мышления в сфере использования языка, в его отношении к официальной культуре. Актуальность заключается в социолингвистической и лингвокультурологической перспективе анализа материала студенческих граффити, которые рассматриваются как относительно новый пласт речевой практики и социолектных форм коммуникации, неформальных и игровых дискурсов, входящих в сферу народной речи и эстетики и существенно расширяющих материал новой исследовательской парадигмы.

Лингвокреативное мышление, по мнению ученых, имеет результатом «новые языковые феномены на основе трансформации уже имеющихся в языке единиц» (Х. Вальтер, В. М. Мокиенко; Е. М. Верещагин; Д. Б. Гудков, В. В. Красных, И. В. Захаренко, Д. Б. Багаева; Е. А. Земская, Ю. Н. Караулов; В. Г. Костомаров; Б. А. Серебренников, В. Н. Телия и др.), которые нуждаются в аспектном изучении с позиции смысловой уникальности, языковой игры, классификационного упорядочения материала, влияния потребности в самовыражении и познании мира на технологии созидания языка и др. (Е. В. Бажкова, М. А. Лурье, К. Э. Шумов; А. В. Бондарко; Д. Бушнелл; Н. Д. Голев; Т. А. Гридина; Г. Г. Слышкин; Н. И. Тюкаева и др.). «Новые языковые феномены» ученые связывают с процессами «мутации» языка и сознания (В. Н. Телия), с новыми технологиями использования языка, с субкультурными ценностными системами в отношении действительности и средств ее репрезентации. Среди последних большой семантико-когнитивный потенциал усматривается в аффективной языковой культуре общества, в специфичном освоении элементов культурного фона в разных дискурсах, в «неистребимо живучей» табуированной лексике (М. М. Бахтин; В. З. Демьянков, В. И. Жельвис, С. Е. Никитина; Ю. А. Сорокин, Д. Б. Гудков, В. В. Красных, Н. П. Вольская; В. В. Химик, В. И. Шаховский и др.). Данные проблемы, включая учет самих материалов дискурсивных практик, не имеют сегодня достаточных методик решения, в том числе в сфере дискурсивного и герменевтического анализа, терминологического упорядочения исследований (ср. вариативное функционирование понятий социолект, со-

циум, концепт, дискурсивный текст, дискурсив и др.). Разработка названных дискуссионных вопросов на вновь открывающемся дискурсивном материале актуальна в аспекте изучения соотношения установок социума и его речевого поведения, творческого использования языка в условиях конкретного дискурса, картины мира (тезауруса) отдельных социумов, изучения отношений субкультур и синхронно действующего менталитета, современного состояния общества и языка, а также получения представлений о культурной перспективе общества (Т. А. Гридина, Ю. Н. Караулов, В. Г. Костомаров, Л. П. Крысин, Н. И. Толстой, В. В. Химик).

Актуальность материала граффити, в том числе студенческих, обусловлена локальным и количественным расширением их сферы бытования, чрезвычайной синкретичностью феномена в силу социальной, исторической и культурной маркированности. Отдельные парадигмы граффити (студенческие, школьные, тюремные, верующих) оцениваются учеными в качестве особого предмета исследований [Бажкова, Лурье, Шумов 2003; Bushnell 1990; Kowalski 1993; Топоров 1995; Шумов 1996], который обладает потенциалом для лингвистики, психо- и социолингвистики, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, семиотики, лингводидактики, фольклористики, антропологии, криминологии и др. (Н. Д. Голев, В. С. Елистратов; В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина; Н. И. Тюкаева)

В реферируемой работе с учетом научных традиций и достижений семиологических, когнитивных, социо- и психолингвистических исследований получают развитие актуальные идеи социумного квантования современного речевого материала, социолектности дискурсов, специфического семантического и концептуального структурирования, оригинального освоения элементов общего культурного фона, ключевой парадигмы дискурса как репрезентанта ментального лексикона социума (критериев обнаружения, определения конечного множества, квалификации ключевого статуса) и некоторые другие (Л. Г. Бабенко, Р. Барт, А. Вежбицкая, А. А. Залевская, Ю. Н. Караулов, Л. В. Кнорина, А. И. Новиков; О. Г. Почепцов; Л. В. Сахарный; Г. Я. Солганик и др.). Названные аспекты актуальны для решения таких проблем, как создание концептуария нации, совершенствование методики описания специфических концептуальных пространств и лингвокультурной специфики дискурсов. Исследование студенческих граффити может представлять интерес для когнитивной теории текста в связи с проблемой создания абстрактно-теоретической текстовой модели; для теории интертекстуальности в связи с проблемой разграничения интертекста и случайных языковых совпадений; для дифференцированной грамматики идиом (Л. Г. Бабенко, А. П. Бабушкин, И. Р. Гальперин, М. Л. Гаспаров, Т. А. ван Дейк, Д. О. Добровольский, О. Л. Каменская, А. В. Кравченко, С. А. Мегенте-

сов и др.). Изучение граффити связано с дискуссионными вопросами естественной речи городского населения в различных ее ипостасях (Е. А. Земская, Б. А. Ларин, Т. В. Ларькина, О. Б. Сиротинина, И. А. Стернин и др.); текстов-примитивов в лингвистике текста (И. Р. Гальперин, С. Е. Никитина, Т. М. Николаева, О. Г. Почепцов, Л. В. Сахарный, Г. Я. Солганик, Ю. С. Степанов, В. И. Шаховский и др.); статуса дискурсивного текста; теории и практики лексикографирования дискурсивов. Граффити интересны также с позиции альтернативного статуса студенческой (и, шире, молодежной) субкультуры и ее обновляющего влияния на доминирующую культуру общества.

Цель и задачи исследования. Целью работы является исследование студенческого граффитийного дискурса как специфического культурного явления, связей между социальными и культурными особенностями студенческого социума и его речетворчеством. Студенческие граффити рассматриваются в качестве дискурсивных текстов, создаваемых взаимодействием языковых единиц разных уровней и внеязыковых условий их функционирования.

Основу исследования составляет идея социумно специфичных репрезентаций мира в дискурсе, отражающих ментальность социума.

Поставленная цель определяет задачи исследования:

- 1) изучить теоретические основы описания современного граффитийного творчества в свете социолингвистического и лингвокультурологического направлений;
- 2) охарактеризовать стиль дискурса в аспекте специфичных проявлений языковых, стилистических, тематических, ментальных черт и их связи с особенностями социума-продуцента (возрастными, психологическими, ментальными, имеющими общественную перспективу);
- 3) проанализировать стратегию и технологию создания граффити: принципы и способы организации дискурсивов, ракурс репрезентаций мира и самопрезентаций социума, специфичную маркированность содержаний – с целью реконструкции ментальности, культурных и когнитивных стереотипов студенческого социума;
- 4) разработать модель анализа граффитийного дискурса: предложить в качестве нового основания описания отпрецедентных граффити фактор ритмико-синтаксического варьирования; выявить ключевую лексическую парадигму дискурса, обосновать ее статус с учетом комплексного подхода к материалу; определить ключевые концепты дискурса;
- 5) описать специфику ключевых концептов дискурса (в том числе базовых для русской культуры), выявив характерный для них когнитивный стиль репрезентаций действительности: соответствия между языком студенческого социума и его культурными ценностями (картиной мира), системой восприятия мира и речевым поведением, эмоцио-

нальной нагруженностью дискурсивов и их культуроспецифичностью.

Перечисленные задачи подчинены обнаружению дискурсивной специфики студенческого граффитийного речетворчества, ее основ и проявлений, расширению классификационных оснований описания граффити. Их решение служит познанию феномена «языка» в его реальном функционировании.

Объектом исследования является неформальный студенческий дискурс, зафиксированный в граффити.

Предмет исследования составляют стратегия и технология создания студенческих граффити в социолингвистическом и лингвокультурологическом аспектах. В зависимости от задач на определенных этапах исследования объект и предмет конкретизируются. На этапе изучения освоения элементов русского культурного фона (прецедентных феноменов) объект составляют поверхностные структуры соотносимых прецедентных источников и отпрецедентных дискурсивов, предмет – ритмико-синтаксические и смысловые преобразования исходных текстов при создании граффити. На этапе анализа актуальных когнитивных признаков, отличающих социумно специфичное наполнение концептов (включая базовые для русской культуры), объектом является ключевая лексическая парадигма дискурса, предметом – типичные реализации семантики ключевых слов, выступающих номинантами ключевых концептов дискурса. Оба этапа работы соотносятся с анализом стратегии создания дискурсивов и нацелены на установление связей между технологией создания и культурой, сознанием, сферами опыта социума.

Материал и принципы его сбора. Материалом анализа являются оригинальные (не имеющие непосредственных прецедентных отсылок) и отпрецедентные студенческие граффити, зафиксированные на «территории» одного из крупнейших вузов России (УГТУ-УПИ, ныне – Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург) в период с 1995 года по 2009 год приемом сплошной фиксации.

Допустимость и корректность ограничения материала рамками одного вуза объясняются, во-первых, стереотипностью мышления студенческого социума вне территориальной зависимости внутри страны; во-вторых, относительно длительным периодом сбора материала, позволившем зафиксировать повторяемость ряда дискурсивов на протяжении более чем десятилетия; в-третьих, формальной и/или содержательной повторяемостью граффити в разных вузах России (подтверждение тому – точечные иллюстрации аналогичного материала в отдельных статьях 70-80-х гг., в крупных исследованиях на материале арго, смеховой культуры, студенческих граффити (В. С. Елистратов, Г. Г. Слышкин, Н. И. Тюкаева (Косых)), в отсылках к аналогичному материалу на научных конференциях);

в-четвертых, приемлемостью объема фактического материала для корректности анализа и достоверности выводов; и, наконец, статусом Уральского государственного технического университета-УПИ (Уральского федерального университета) как одного из крупнейших вузов России, в котором обучаются тысячи студентов из Уральского региона, ближнего и дальнего зарубежья.

Объем материала составляют около 4000 текстовых граффити, в которые не были включены одиночные матизмы. В работе учитываются некоторые графические и изобразительные элементы, сопровождающие текстовые граффити (особенности шрифта, размеров букв) и выполняющие функцию средств актуализации содержания текста, его коммуникативной значимости и диалогичности.

Сбор материала производился автором исследования и представителями студенческого социума (потенциальными и реальными продуцентами и ретрансляторами граффити), частично (при технической возможности или четкости исполнения) фиксировался на фото. Субъективность в процессе фиксации граффити, а также склонность социума к граффити-творчеству (97 % анонимно опрошенных студентов хотя бы раз оставляли «след» на парте) расцениваются как фактор социумно специфичного выбора и, соответственно, как показатель культуроспецифичности материала. Способ фиксации граффити (ориентация на скрипцию) вслед за учеными (Т. Г. Винокур, Е. С. Кубрякова, М. Л. Макаров) оценивается как отражающий реальное преобладание особенностей дискурсивного употребления языка, осознаваемых как коллективные. Выбор материала отвечает заявленным в лингвистике приоритетам естественных данных (Д. О. Добровольский, Ю. Н. Караулов; А. Е. Кибрик; У. Лабов), ассоциирующихся с проявлениями «естественного» (дообщественного) состояния человека и его ментальностью. Естественные данные соотносятся прежде всего с неформальным общением, которое является приоритетным в русской культуре, занимая «львиную долю» в общении в целом (Ю. П. Давыдов, М. Л. Макаров, И. А. Стернин).

Методы исследования и основная модель анализа. Системное описание сложного и синкретичного по природе граффитийного материала требует синтетической методологической парадигмы (М. Л. Макаров, С. А. Мегентесов, Н. И. Толстой, В. И. Шаховский), основанной на комплексном привлечении исследовательских методик, актуальных для лингвистики, социолингвистики, лингвокультурологии, когнитивистики и смежных с ними направлений. Социолингвистическое и лингвокультурологическое описание дискурса в данной работе осуществляется с опорой на дискурсивный анализ, под «зонтом» которого объединены дефиниционный, компонентный, смысловой, концептуальный, статистический, интерпретативный виды анализа, обеспечивающие сравнительно-сопоставительный анализ планов выражения и содержания соотносимых

текстов, семантики языковых средств, традиционных и социумно специфичных ментальных представлений о фокализуемых предметах. Сопоставительный метод нацелен на выявление устойчивых содержательных и «технологических» предпочтений в речетворчестве, отражающих его дискурсивную специфику (социально-культурные, когнитивные, языковые стереотипы). Комплексный подход, сочетающий общенаучные и общелингвистические методы, частные методики, позволяет проанализировать дискурсивный материал с учетом взаимодействия языкового знака с когнитивными структурами и социальной практикой социума.

Для уточнения значений слов и фразеологизированных единиц, влияющих на смысловые интерпретации дискурсивов, мы обращались к дефинициям Толкового словаря русского языка в 4-х тт. / Под ред. А. П. Евгеньевой; Большого толкового словаря русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова; Большого словаря русской разговорной экспрессивной речи / Автор В. В. Химик, к материалам словаря «Антипословицы русского народа» / Авторы Х. Вальтер, В. М. Мокиенко.

Модель анализа материала включает несколько поэтапно организованных исследовательских блоков, обусловленных избираемыми аспектами рассмотрения материала и соответствующими им методиками.

Первый блок нацелен на изучение освоения прецедентных источников в исследуемом дискурсе и технологии создания граффити. В связи с этим методом классифицирования выделены текстовые парадигмы оригинальных и отпрецедентных дискурсивов, последние из которых составляют материал исследования во 2-й главе. Сопоставительный анализ поверхностных структур отпрецедентных дискурсивов и соотносимых с ними исходных текстов позволил выделить и описать типы и варианты ритмико-синтаксического клиширования / трансформирования прецедентов в дискурсивах. С помощью смыслового анализа выявлен доминирующий ракурс преобразований в дискурсивах и их соотношение с традиционными (ментальными) представлениями о предмете речи. Дефиниционный и компонентный виды анализа лексем, фокусирующих в себе интерпретативное начало, позволил соотнести заложенные в дефинициях возможности репрезентации новых значений, актуальных для социотворчества, и выявить актуальную для дискурса категориальную и дифференциальную семантику лексем. Основанием для обнаружения субкультурных проявлений дискурса выступает традиционный языковой и культурный материал (общая апперцепционная база), который позволяет выйти за рамки отдельных семантических интерпретаций и выявить связи содержания граффити с процессами мышления, потребностью социума в познании мира и самовыражении.

Второй исследовательский блок подразумевает выявление и компоновку ключевого словника дискурса, определение «объектов» концептуального пространства и доминирующего стиля их репрезентаций. С этой

целью способом компьютерной обработки дискурсивов получен независимый от контекстов словник, дополненный статистикой одинаковых словоупотреблений. Статистический, семантический (в том числе компонентный) и смысловой (в том числе контекстологический) виды анализа предполагают обращение к словарным дефинициям, контекстам функционирования, использование денотативно-референтного подхода, выявляющего актуальные для социотворчества фрагменты действительности и связанный с ними тематический репертуар дискурса. Приемом математических вычислений на основе соотношения общего количества слов (кроме служебных) в дискурсивном материале и слов лексико-семантического доминирования определен критерий «предела разграничения» отсекаемой и оставляемой для анализа лексики и ее парадигмальных объединений (показатель в 1 % словоупотреблений). Ключевой характер выявленной лексической парадигмы верифицирован на отдельном фрагменте материала в ходе психолингвистического эксперимента, организованного в социумной аудитории. Анализ контекстного функционирования ключевой лексики позволил скорректировать выделенные лексические группировки с учетом фактора референтной общности, отраженной в дискурсивах. Дальнейшее сочетание лингвистического и культурологического подходов (рассмотрение слов в качестве единиц языка, способных формировать концепты) делает актуальным концептуальный анализ исследуемого социотворчества. Концептуальное структурирование дискурса сопровождается интерпретативным анализом, в ходе которого семантика языковых единиц и дискурсивов соотносится с интенциями человека (как члена конкретного социума), результатом чего выступают смысловые, тематические, эмоционально-оценочные, ментальные особенности дискурса.

В работе используются общенаучные – описательный, индуктивный и дедуктивный – методы исследования, а также метод лингвистического интервью.

Теоретическая значимость исследования определяется известным пробелом в разработке проблем выявления и анализа дискурсивной специфики социумно ограниченных неформальных коммуникативных локусов как в общетеоретическом плане, так и в плане разноаспектных и разноуровневых конкретизаций. Результаты работы являются значимыми для развития теории дискурсивного анализа, для изучения современного состояния отношений общества и языка, языка и языковых подсистем, общекультурного пространства и субкультурного пространства дискурсивных практик. Исследование вносит вклад в решение проблемы выявления ключевых парадигм в различных дискурсах, обеспечивая теоретическую и методическую базу в изучении ментального лексикона, концептуария этноса и их репрезентаций в антропоцентрических словарях в ви-

де содержательных признаков «психологической природы» (В. И. Карасик, В. В. Морковкин).

Теоретическую ценность представляют такие предложенные основания анализа материала, как ритмико-синтаксическое соотношение поверхностных структур исходных прецедентных текстов и отпрецедентных дискурсивов, разнообразие трансформаций – от звукобуквенных / лексических модификаций до включения по-разному организованных интерпретативов. Данная методика расширяет рамки исследования, позволяет перейти от отдельных семантических интерпретаций к изучению способов и приемов функционализации языковых средств в дискурсе, более полно представить технологию создания граффити.

Обоснование понятий дискурсив, стиль дискурса, технология создания граффити, интерпретативы является значимым для проблемы определения места текста в системе «язык-культура»; для лингвистики текста в связи с теорией «текстов-примитивов», отличающихся «ненасыщенными», малоформатными синтаксическими структурами и отсутствием привычных для текстовой нормы средств связности; для теории интертекстуальности, звуковой (интонационной и орфоэпической) стилистики, естественной речи городского населения.

Научная новизна диссертационного исследования заключена в том, что в работе впервые представлена концепция неформального студенческого дискурса, разработана комплексная методика его описания, позволяющая определить основные компоненты стратегии создания граффити (речетворческие предпочтения социума), выявить доминирующий ракурс дискурсивных содержаний и маркированность репрезентаций, связать семантические, прагматические особенности дискурса с ментальностью социума-продуцента. Новизна обусловлена материалом студенческих граффити, который не рассматривался прежде в качестве системно организованного пласта народной культуры и речевого творчества. В данной работе материал граффити осмысливается как результат связи между знаниями, эмоциями и опытом социума-субъекта дискурса и потребностью в их словесном выражении в соответствии с эмоциональными и коммуникативными установками в социотворчестве (речетворческими реализациями, функцией эмоциональной разрядки, перлокутивной функцией).

Разработка концепции стиля дискурса повлекла осмысление явлений концептуального каркаса дискурса, когнитивного стиля репрезентаций, стратегических речетворческих качеств «условие на входе» (предварительная заданность речетворческих установок) и «социальная успешность» (эффективное использование феноменологических данных языка), а также «технологической» системы создания граффити, воплощенной в качествах оппозитивности, детабуированности, сингулярности, диалогичности дискурса, обеспечивающих узнаваемость дискурсивной парадигмы.

Выводы, сделанные в процессе исследования обширного материала студенческих граффити, являются оригинальными.

Результаты исследования могут быть учтены в сфере образования, воспитания, социального прогнозирования.

Практическая ценность диссертации обусловлена возможностью использования ее результатов в дальнейших научных исследованиях дискурсов, в практике преподавания теории языка, в частности лексикологии, семантики, стилистики, теории речевых коммуникаций, в спецкурсах и спецсеминарах по проблемам речевого взаимодействия, когнитивной лингвистике, лингвокультурологии, дискурсивному анализу.

Обнаруженные субкультурные (и социолектные) явления (особенности семиотической валентности, мифологической нагруженности, типичности для языкового сознания конкретного социума) могут быть учтены при анализе интердискурсивных стратегических и тактических «переключек», а также в процессе создания новых толковых словарей лингвокультурологического, тезаурусного типа, отражающих языковое сознание отдельной личности или целого сообщества, и дискурсивных словарей, формирующихся под влиянием «текущего момента» (о важности направления см.: И. Р. Гальперин; Н. Д. Голев; В. В. Жданова; В. Г. Костомаров; Л. В. Сахарный). Материалы граффити могут быть использованы в качестве иллюстративного материала в толковых и идеографических словарях, хрестоматиях и энциклопедиях лингвистического творчества народа.

Ценность работы связана с возможностью прикладного использования ее результатов в идеологических, психологических, педагогических воспитательных программах, учитывающих знания о социумно маркированной ценностной картине мира студенческого (и, шире, молодежного) социума, по меркам которой происходит категоризация мира, усваиваются нормы, формируются поведенческие установки, в том числе в речевой деятельности.

Апробация работы. Диссертация обсуждалась на кафедре современного русского языка Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

Основные теоретические положения докладывались автором на международных, всероссийских и региональных конференциях: в Москве (2000, 2006 – 3, 2007, 2010), в Екатеринбурге (2000 – 2, 2001 – 2, 2003, 2004, 2005 – 3, 2006, 2007 – 2, 2008 – 2, 2009, 2010), в Иваново (2004), в Калининграде (2009), в Орле (2006), в Перми (2006); в Пекине (Китай, 2006), в Одессе (Украина, 2006), в Пловдиве (Болгария, 2007), в Алматы (Казахстан, 2010); на научных семинарах кафедры русского языка Уральского государственного технического университета – УПИ имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (ныне – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина), а также на

«круглых столах» и в школе кураторов в рамках воспитательной программы работы со студенческой молодежью в УГТУ-УПИ.

По теме диссертации опубликовано 37 работ, в том числе монография (26,5 п.л.), статьи в журналах, рекомендованных ВАК.

Положения, выносимые на защиту:

1. Современный студенческий граффитийный дискурс представляет собой системно организованный пласт молодежной культуры и речевого творчества, демонстрирующий лингвокреативную деятельность неформально организованного студенческого социума. Фазовыми качествами лингвокреативной деятельности являются «условие на входе» и «социальная успешность», первое из которых отражает восприимчивость к определенному типу культурных норм и ценностей и, соответственно, заданность речетворческих предпочтений (актуальность предмета интерпретации, ракурс его репрезентаций), второе – использование феноменологических данных языка в соответствии со смысловыми и коммуникативными предпочтениями социума.

2. Граффити в силу синкретичности феномена представляют собой особый модус интерпретации действительности, обладающий «своей» системой средств и способов репрезентаций мира, демонстрирующей их узнаваемый стиль. Стиль студенческого дискурса есть явление философского, логического, эстетического отношения к миру, общего для членов неформально организованного социума. Стиль дискурса представляет собой совокупность устойчиво фиксируемых характерных черт социотворчества (языковых, стилистических, тематических, коммуникативных).

3. Лексико-семантические парадигмы неформального студенческого дискурса, коррелируя с языковой семантикой и интерпретативной традицией, демонстрируют специфичный тематический и «предметный» репертуар, особый ракурс и эмоционально-оценочную маркированность репрезентаций мира. Фокусируемые объекты действительности представлены в дискурсе ключевой лексической парадигмой, порогом квалификации ключевого статуса которой является показатель концентрации семантически и идеографически схожих лексем. Лексемы ключевой парадигмы выступают номинантами «объектов» концептуального пространства дискурса, наиболее актуальными из которых являются концепты «женщина», «мужчина», «человек», «студент». Интерпретативную тенденцию в исследуемом дискурсе составляют табуированные смыслы, семантика негативных оценок, воздействий, создание негативного впечатления о предмете речи или противоречие с ментальными представлениями о нем.

4. Принципами студенческого граффитийного речетворчества является конкуренция с ментальными представлениями о стандартных ситуациях и объектах действительности, сингулярные и оппозитивные репре-

зентации последних, детабуизация тем и средств их оязыкования, стремление к минимальным формальным расхождениям с известными языковыми средствами при передаче специфичных смыслов. Процесс создания отпрецедентных граффити представляет собой систему использования потенциала особой концентрации формально-содержательных, стилистических, экспрессивных элементов языка; герменевтического потенциала представленных в культуре этноса историй и философских позиций; потенциала ритмико-синтаксического клиширования / трансформирования элементов культурного фона, измененных конситуативных и контекстных условий функционирования языковых и речевых стандартов, различных трансформаций (звукобуквенных, лексических, синтаксических), включая интерпретативы (лексические, синтаксические).

Структура диссертации обусловлена целями, задачами и проблематикой исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав и заключения.

Введение обосновывает актуальность, теоретическую и социально-практическую значимость исследования.

В первой главе рассматриваются подходы к изучению дискурсивных практик в современной науке, обосновывается тезис об активном развитии неформальных дискурсов и их статусе естественной городской речи. Аргументируются также тезисы о студенческом социуме как «развитом» коде, о синкретичности граффити, проявляющейся в сочетании индивидуального и субкультурного, языковых знаний и творческих устремлений в сфере языка, письменных фиксаций и проявлений «устности». На базе анализа научной литературы в главе получают развитие идеи социотворческих установок и предпочтений, определяющих специфичный стиль репрезентаций, оригинального концептуального пространства, номинированного с помощью ключевой лексической парадигмы дискурса, текстовой параметризации граффити.

Во второй главе рассматривается стратегия освоения элементов русского культурного фона в неформальном студенческом дискурсе. Глава включает характеристику состава прецедентных текстов как источника студенческих граффити, анализ структурно-смысловых тенденций в создании отпрецедентных дискурсивов. Предмет анализа здесь составляют процессы трансформирования поверхностных структур, ракурс смысловых преобразований прецедентных единиц в дискурсивах, а также повторения «технологических» особенностей в оригинальных дискурсивах.

В третьей главе осуществлено концептуально-идеографическое описание дискурсивного материала, для чего предложена исследовательская модель выявления и формирования ключевой лексической парадигмы. Компоненты данной парадигмы рассматриваются в качестве номинантов ключевых концептов дискурса, демонстрирующих социумно спе-

цифичные когнитивные признаки, актуальные для исследуемого социотворчества.

В заключении приводятся основные результаты проведенного исследования, намечаются перспективы в данной области научного знания.

В приложения вынесены списки соотносимых пар текстовых источников и отпрецедентных дискурсивов, сгруппированные по типам ритмико-синтаксического клиширования / трансформирования исходных поверхностных структур.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** сформулирована основная цель работы и перечислены конкретные задачи исследования, обоснованы актуальность, теоретическая значимость и новизна исследования, определены материал, объект, предмет и единицы анализа, названы используемые в диссертации методы, представлены положения, выносимые на защиту.

Глава 1. Теоретические основы исследования дискурсивных практик в современной науке. Цель главы — рассмотреть существующие в лингвистике подходы к изучению дискурсивных практик, предложить теоретическое обоснование комплексного исследовательского подхода к описанию неформального студенческого дискурса, терминологически упорядочить описание социотворчества.

Отправным тезисом в главе является тезис о социальности и психологичности речи, детерминирующих любое социотворчество и отражающих связи «языковых особенностей с мировоззрением и настроением людей» (В. И. Абаев, Н. Д. Арутюнова, А. П. Бабушкин; А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский; Р. Белл, А. В. Бондарко, Т. В. Булыгина, В. Г. Гак, А. И. Домашнев, О. П. Ермакова, В. И. Жельвис, В. А. Звегинцев, О. Л. Каменская, В. И. Карасик, Ю. Н. Караулов, А. А. Кибрик, Г. В. Колшанский, А. В. Кравченко, Е. С. Кубрякова, Н. А. Кузьмина, Дж. Лакофф, У. Лабов, М. Л. Макаров, С. А. Мегентесов, Р. И. Павиленис; В. В. Петров, В. И. Герасимов; А. Д. Плисецкая, В. И. Шаховский, Л. П. Якубинский). Обзор истории изучения дискурсов позволяет сделать вывод об осознании учеными существующих новых «технологий» в современном использовании языка, необходимости их изучения и привлечении для этого ранее мало изученных дискурсов, чей речетворческий материал (вслед за идеями В. фон Гумбольдта) способен выступить источником информации о разнообразных трансформациях привычных норм (ценностных, этических, языковых).

Анализ научной литературы позволил выделить в качестве актуальных теоретических и теоретико-методических проблем вопросы определения стиля дискурса и его оснований, понятия дискурсивного текста

(для него в работе предложен термин *дискурсив*), методики вычленения ключевых лексических парадигм и их соотношения с явлениями ментального лексикона, концептуального пространства дискурсов и др. Традиционные и транслингвистические трактовки текста (Р. Барт, Р. Белл, Т. Г. Винокур, Т. М. Дридзе, В. А. Кох, Л. П. Крысин) подводят к выводу о том, что исследование дискурса и дискурсивов интересно не столько репрезентативной функцией языка, сколько передаваемым с помощью языка «социальным значением», отражающим «коллективную душу» группы (социума-продуцента): ментальные основания, систему духовных ценностей, мировосприятие, речетворческие установки и предпочтения (Р. Белл; М. Б. Бергельсон, А. Е. Кибрик; А. В. Бондарко, М. А. Гелашвили, Б. Ю. Городецкий; Т. А. ван Дейк, В. Кинч; В. З. Демьянков, Т. М. Дридзе, Н. И. Жинкин, О. Л. Каменская, Ю. Н. Караулов; Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов; В. В. Красных, М. Л. Макаров, Р. И. Павиленис, Г. Г. Слышкин, З. Й. Шмидт и др.). В связи с этим любой дискурс демонстрирует специфику организации, проявляющуюся в «достаточно жестких регламентациях, жанровых и речевых стереотипах», в тематической повторяемости, в распределении определенных свойств языковых средств (фонем, морфем, слов, синтаксических конструкций и т. д.) и их семантическом структурировании (М. М. Бахтин; А. Вежбицкая; Т. Г. Винокур, В. З. Демьянков, К. А. Долинин, А. А. Залевская, Е. А. Земская; Ю. Н. Караулов, В. И. Карасик, Е. С. Кубрякова, М. Л. Макаров; А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко; Т. М. Николаева, В. В. Петров, Е. В. Падучева, Ю. С. Степанов). На основе данных представлений *стиль* дискурса мы определяем как совокупность языковых, стилистических, тематических, коммуникативных черт, обусловленных системой убеждений и способов рассуждения в социуме и проявляющихся в тенденции повторяемости. Важно, что стиль дискурса наблюдается не только в узнаваемых особенностях дискурсивного материала (языковых, тематических, собственно текстологических, жанровых, эмоциональных), но и в эмпирически ненаблюдаемых когнитивных процессах, обуславливающих оригинальное наполнение актуальных концептов, и в факте первичности представлений об этих особенностях при неаналитическом восприятии дискурсивов реципиентами.

Привлечение в качестве материала исследования мало изученного граффитийного дискурса обосновывается в главе его проблемным характером в связи с чрезвычайной синкретичностью и многоаспектной маркированностью граффити (социальной, исторической, культурной). В данной сфере изучения отсутствуют общепринятые методики граффитийного парадигмообразования, несмотря на разнообразие предлагаемых оснований упорядочения (авторство, специфика графического наполнения, место, гендер, функции, тематика, жанр, смешанные основания) (Е. В. Бажкова, М. А. Лурье, К. Э. Шумов; Д. Бушнелл, В. С. Елистратов,

Г. Г. Слышкин, В. Н. Топоров, Н. И. Тюкаева). Синкретичный характер граффити проявляется в их глоссовой организации, в совмещении индивидуального и публичного, скрипции и признаков «устности», малоформатности и текстового статуса, активного игрового начала и острого социального, этического, морального звучания (Л. Г. Бабенко; А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский; И. Т. Вепрева, Т. Г. Винокур, Т. А. ван Дейк, Н. Д. Голев, И. Е. Головаха, В. Дресслер, В. И. Жельвис, Н. И. Жинкин, В. И. Карасик, Л. В. Сахарный, Н. И. Тюкаева).

Специфика материала, необходимость терминологического упорядочения исследования объективизируют в данной главе анализ концепций социума, естественного языка, социолекта, актуальных для анализа дискурсивной специфики. Несмотря на отсутствие общепринятой теории «социумного» оформления человеческих общностей (Ж. В. Ганиев; Т. М. Дридзе; И. С. Кон; Р. И. Макдэвид мл.), в работе сделана попытка выявить наиболее важные для анализа социотворчества признаки субъекта исследуемого дискурса: собственно социумные (возраст, профессиональные (учебные) интересы, карьерные устремления, уровень образования и культуры, психологические особенности возраста) и признаки общественной значимости (непредельность во времени, значимость для интеллектуального развития нации, обособленность от других поколений, участие «в конфликте поколений», «развитая кодовость» и др.). Неформальный характер социотворчества объективировал его характеристику через понятие естественного языка, анализ трактовок которого в литературе (Ю. Д. Апресян, Ю. А. Бельчиков, Р. А. Будагов, Т. Г. Винокур, Джон Дж. Гамперц, В. Г. Костомаров, Б. А. Ларин, Н. Б. Лебедева, С. Е. Никитина, Р. И. Павленис, Н. А. Подюков, В. Н. Телия, Ч. Филлмор, С. М. Эрвин-Трипп) позволил объединить в нем речевую деятельность (говорение, написание) и ее продукт, выделить принципиальные и дифференцирующие качества явления (для первых – свобода членов социума от внешних табу и соответствие естественным склонностям человека, для вторых – принадлежность к «народной словесности», «промежуточное положение» между литературной разговорной речью и нелитературными образованиями языка, «подсистемность» по отношению к языковой системе, неофициальное функционирование, отражение специфичного мировосприятия), определить естественный язык как явление лингвокреативного мышления, свидетельствующего об особой ценностной картине социума (Ю. А. Бельчиков; Х. Вальтер, В. М. Мокиенко; А. Вежбицкая, Т. Г. Винокур, Джон Дж. Гамперц, Н. Д. Голев, В. С. Елистратов, В. И. Жельвис, И. М. Кобозева, У. Лабов, В. Ф. Левичева, М. Л. Макаров, О. Розеншток-Хюсси, И. А. Стернин, Н. В. Уфимцева и др.).

Таким образом, проблема анализа студенческого граффитийного дискурса в данной главе объективирована актуальностью изучения проблем

состояния отношений общества и языка, языка и языковых подсистем, доминирующей культуры и субкультуры, общекультурного пространства и пространства дискурсивных практик.

Глава 2. Стратегия освоения элементов русского культурного фона в неформальном студенческом дискурсе. Цель главы – исследовать стратегию социумно специфичного освоения элементов русского культурного фона в неформальном студенческом дискурсе, выявить и проанализировать особенности речетворческого креатива в технологии создания граффити.

В главе проанализировано около 2000 отпрецедентных граффити, в разной степени производных от элементов культурного фона (устойчивых в широком смысле сочетаний слов, клише, прецедентных текстов). Объективизация данных анализа поддерживается привлечением оригинальных граффити, не напоминающих о непосредственных интертекстуальных связях.

В ходе исследования выявлены две группы граффити, одна из которых включает дискурсивы, формально идентичные прецедентным текстам, вторая – дискурсивы, отличающиеся измененными поверхностными структурами.

I. Формально идентичные граффити, по наблюдениям, представляют собой результат конситуативного и / или контекстного освоения прецедентных текстов.

I.1. Конситуативное освоение заключено в сознательном изменении продуцентом отдельных или совокупных составляющих конситуации, отличающих привычное функционирование прецедентного текста (единицы) и выступающих поставщиками новых смыслов. Особенности конситуативных «произведений» в том, что в них при одном лексическом составе одна по синтаксической функции позиция получает в разных конситуациях разное лексико-семантическое значение [Ширяев 1981: 197]. Выявлено, что «чистые» формально-идентичные дискурсивы (типа *Не имей сто рублей, а имей сто друзей*) в целом немногочисленны, более частотными являются случаи идентично-трансформативного освоения.

Парадигма формально-идентичных граффити включает аудиторные и туалетные дискурсивы, специфичные интерпретации которых могут быть получены в режиме «on-line» (например, туалетные граффити *Храм уединенного размышления; Прием вкладов от населения*) либо с опорой на метапаспортизацию в форме типичных указаний «где», «о ком / о чем» (аналогичное «что»), «что для кого / кому», обычно заключенных в скобки (например, граффити *Выиграй поездку! (На милицейской машине); Каждой твари по паре (О лекторе)*). Данные граффити демонстрируют активную установку на критическое и оппозитивное отношение к миру, игнорирование традиционных этических и ментальных

норм (частотность ироничных репрезентаций, «физиологической» семантики, семантики материальных приоритетов в сравнении с духовными), сингулярное (идушее вразрез с ожиданиями) оформление содержаний на основе игрового использования языка. Сингулярный эффект создается внутри- и межлексическими семантическими оппозициями (сменой основных / неосновных, маркированных / немаркированных, по-разному маркированных семем); содержательно-смысловыми оппозициями (сменой или иными аспектами референтной отнесенности), в основе которых находится преимущественно детабуирование «интимной» или общественно-проблемной тематики (туалетный дискурсив (*Памятка пользователю*) ...*Держи проход свободным!*). К технологическим особенностям репрезентаций здесь относится ориентация на энергетически насыщенный фрагмент известной поверхностной структуры (слово, сочетание, метаконтекстный указатель), трансформативный потенциал которого может быть заложен: а) в дифференциальной семантике слов (репрезентированной местоименными средствами типа «что-то», «какой-л.»), по-новому конкретизированной в дискурсивах; б) в одновременном привлечении нескольких значений слова, обеспечивающем неединственную интерпретацию и амбивалентные оценочные коннотации; в) в смене идентифицирующей семантики языковых значений либо значений, фиксируемых в словарях разговорной речи, жаргона и под.; г) в усматриваемой возможности оппозитивно организованных метафорических или эвфемистичных замен (*выиграть* в значении «получить нежелательное», *заплатить налоги* в значении «поплатиться жизнью, быть убитым», *спать* в значении «покоиться в могиле»); д) в создании коннотативных контрастов соотносимых текстов (нейтральность исходных текстов и эмоциональность / экспрессивность граффити).

Идентично-трансформативные граффити отличаются локальными явлениями акцентуации, ритмико- и морфологосинтаксической делимости формы, перекомбинации звукобуквенных компонентов в рамках исходного их набора (например, новая синтаксическая структура и аспект репрезентаций в оригинальном членении словоформы *бойфрендов* в дискурсиве *Бой френдов*). К актуальным приемам идентично-трансформативного освоения прецедентных единиц относится передача: 1) просодической информации, позволяющей совместить обновленную дискретность и непрерывность поверхностной структуры с опорой на артикуляционные вариации звуков, участвующих в ассоциативных сцеплениях слов и образов, например: *Девки ГОЛО-систые свели меня с ума; Не спеши под друга* (от *Не спеши, подруга*); 2) паралингвистической информации (мимического, жестового содержания), например: *Беречь как зеницу – о как!*; 3) смены содержания на основе ритмических трансформаций (обычно нового пунктуационного оформления), напри-

мер: *Интим. Досуг не предлагать* (от *Интим, досуг не предлагать*); *Снимаю, порчу* (от *Снимаю порчу*).

1.2. Контекстное освоение прецедентных текстов осуществляется в условиях расширения фразового контура за счет новых конструкций и предикатных структур. Расширенный фразовый контур рассматривается в качестве интерпретатива, обуславливающего ракурс интерпретации дискурсива (в отличие от компонентов метапаспортизации включен в состав дискурсива, выполняет сюжетообразующую функцию). Данные интерпретативы могут включать прецедент (редко) или включаться в него в виде лексических или синтаксических средств (характерные случаи освоения).

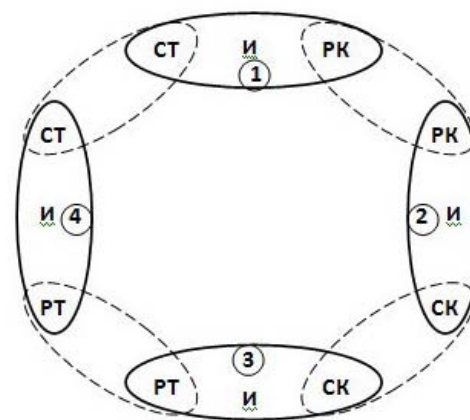
Лексические интерпретативы представляют собой слова или словосочетания, расширяющие контекст прецедентной единицы и функционирующие как текстовые или метатекстовые компоненты. Например: *Какой русский не любит быстрой езды? Инспектор ГИБДД; В темной комнате на белой простыне полтора часа удовольствия (кино)*. Лексические интерпретативы характерны для дискурсивов, имитирующих реплику либо содержащих загадку. В *дискурсивах-репликах*, передающих реальную или воображаемую речь некоего субъекта, имеют место интерпретативы-репрезентанты авторства или репрезентанты предмета речи. Интерпретативы-репрезентанты авторства находятся за пределами части-реплики, занимают конечную позицию дискурсива, обеспечивают сингулярный характер его интерпретации, могут быть выражены названиями (1) одушевленных и (2) неодушевленных предметов. В первом случае в части-реплике и в части-указании автора характерно объединение прецедентных единиц, например: (1) *Мы с тобой одной крови. Чук и Гек*; во втором случае – объединение в части-реплике прецедента и в части-указании автора непрецедента, например: (2) «туалетный» дискурсив *Не ссы, прорвемся! Трубы*. Интерпретативы-репрезентанты предмета речи обычно включены в часть-реплику, находятся ближе к концу или в конце дискурсива, функционируют в основном как олицетворения предметов, к которым обращена реплика или которым она посвящена, занимают позиции прямого или опосредованного контекстом обращения либо включены в назывные конструкции. Например, дискурсивы *Тебя раздеваю рукою несмелой, скорей бы увидеть желанное тело, ты самый прикольный, единственный в мире. Мой самый любимый – «картофель в мундире»; Я вечером к тебе приду, Разденусь, как всегда, И ночь с тобою проведу В блаженстве до утра, Как хорошо с тобою спать, Моя любимая кровать*. Сингулярный эффект восприятия здесь обеспечен контрастом одновременно реализуемых табуированного (первым возникает в сознании реципиента) и «разрешенного» смыслов. Общий интерпретативный механизм в дискурсивах-репликах действует «от интерпретатива к «допиковому» фрагменту»: от части-указания автора (функция

интерпретируя) к части-реплике, от интерпретатива-олицетворения к предыдущему тексту. *Дискурсивы-загадки* представляют собой двухчастные текстовые структуры (часть-формулировка загадки и часть-ответ). Близки оригинальным дискурсивам, но опираются на знания прецедентных ситуаций, предметов и признаков (ежик с яблоком), что позволяет их рассматривать в отпрецедентной парадигме. Интерпретативный механизм запускается в части-ответе, содержащей ответ на вопросы «Что это такое?» или «О чем идет речь?». Например: *Как хорошо тебе и мне, я под тобой, а ты на мне (ежик с яблоком); Запор мыслей, понос слов (о студенте на экзамене)*. Непосредственные репрезентации предмета речи в части-формулировке чаще выражены персонифицированными репрезентантами «я», «мы», «ты», «он», которые в части-ответе идентифицируются обычно названиями животных или собирательными существительными. Например: *Мы ребята удалые, ищем щели половые (тараканы); Когда работает – стоит, когда заканчивает – кланяется (хор)*. Опосредованные репрезентации предмета речи реализуются через описание ситуаций с «я», «ты», «он», которые в части-ответе идентифицируются в основном названиями неодушевленных предметов. Например, *Туда – сюда – обратно, Тебе и мне приятно (качели); Сзади тихо подошел, вставил молча и пошел (тапочки)*. Технология создания дискурсивов-загадок всегда опирается на противоречие в идентификации человека и животного, человека и неодушевленного предмета, части тела и коллективного субъекта. Описательный характер части-формулировки в большинстве случаев содержит намек на скабрезное содержание дискурсива, который всегда нейтрализуется «пристойным» содержанием в части-ответе. Интерпретативный механизм «от части-ответа к части-формулировке» свидетельствует об игровых установках в социотворчестве.

Синтаксические интерпретативы представляют собой принципиальные и непринципиальные контекстные расширения, первые из которых (наиболее частотны) выражены добавленными предикатными структурами (*Время лечит, но доктор – быстрее*), вторые – распространителями исходных прецедентных синтаксических структур (чаще в виде продолженных однородных рядов) (*Когда я ем – я глух и нем, хитер и быстр, и дьявольски умен...*). При принципиальном контекстном расширении синтаксическая организация интерпретатива в большинстве случаев аналогична организации прецедентного текста (*Повторение – мать учения, а заикание – отец*), а сам интерпретатив обеспечивает содержание, противоположное исходному (*Счастье есть → Счастье есть, и пить – тоже счастье*), табуированное или связанное с ментально осуждаемыми предметами речи (*Кто последний? → Кто последний, тот и папа!*), создающее эффект игры с чувствами и убеждениями человека (*Красота требует жертв → Красота требует жертв, и с каждым*

днем их становится все больше). При непринципиальном контекстном расширении интерпретативы обычно репрезентируют новое развитие сюжета прецедентного текста на фоне сохранения исходного предмета речи (*Кто не рискует, тот не пьет шампанского! → Кто не рискует, тот не пьет шампанского!! ...и валидола!!*).

II. Дискурсивы, отличающиеся измененными поверхностными структурами, обращают внимание прежде всего ритмико-синтаксическими преобразованиями прецедентных текстов, среди которых выделены случаи: 1) ритмического клиширования и синтаксического трансформирования (РКСТ-дискурсивы), 2) ритмико-синтаксического клиширования (РСК-дискурсивы), 3) ритмического трансформирования и синтаксического клиширования (РТСК-дискурсивы), 4) ритмико-синтаксического трансформирования (РСТ-дискурсивы), включающего случаи контаминации (нанизывания) прецедентных текстов или их фрагментов, а также вербализаторов иных прецедентных феноменов. Клиширование и трансформирование предполагают, соответственно, повторения или расхождения в синтаксических структурах текстов и их мелодике. Выделенные типы имеют специфику частичного пересечения оснований, демонстрируя эквиполентные отношения одного из двух оснований, действующих в купе (см. схему).

Условные обозначения:
РК – ритмическое клиширование, РТ – ритмическое трансформирование, СК – синтаксическое клиширование, СТ – синтаксическое трансформирование.

II.1. Граффити, созданные на основе синтаксического клиширования прецедентных текстов (СК-дискурсивы), воспроизводят синтаксическую структуру исходного текста, включая последовательность компонентов предикатной рамки (атрибутивных, актантных и сирконстантных), и имеют частичное звукобуквенное / лексическое сходство. Зафиксировано около 500 СК-дискурсивов (25 % от общего количества отпрецедентных дискурсивов), созданных с привлечением 348 прецеден-

тов. Часть из них объединена фактором ритмического трансформирования (отпрецедентные РТСК-дискурсивы, 253 граффити). Например: *Перед употреблением охладить* → *Перед злоупотреблением охладить*, другая – фактором ритмического клиширования (отпрецедентные РСК-дискурсивы, 247 граффити), связанного с аналогичным акцентологическим обликом слов-заместителей. Например: *Прости меня, мама, хорошего сына* → *Прости меня, мама, замужнего сына*; *Нет, не перевелись еще на Руси богатыри!* → *Нет, не перепились еще на Руси таланты!* Аналогичность акцентологического облика создается повторением исходных грамматических особенностей слов, например, словообразовательных моделей: *маток* – *дядек*; форм наклонения, лица и числа: *заслужи* – *поймей*, *поспешишь* – *стормозишь*, *насмешишь* – *разозлишь*, *не буди* – *разбуди*; категориально-грамматических характеристик: *зори* – *зомби* – *мыши*, *деньги* – *девки*, *лежат* – *визжат*, *во мне* – *в нем*, *передвижения* – *обогащения*; предложно-падежных конструкций: *яблоко от яблони* – *яйца от курицы* (здесь ритмически редуцированный разговорный вариант *я-[и]-ца*). Например: *Пришел, увидел, победил* → *Пришел, увидел, обалдел!* (*Реклама мебели*); *Заслужи любовь ближнего* → *Поймей любовь ближнего*; *А зори здесь тихие* → *А зомби здесь тихие* → *А мыши здесь тихие*; *Может, тебе и ключ от квартиры, где деньги лежат?* → *Может, тебе и ключ от квартиры, где девки визжат?*; *Поспешишь* – *людей насмешишь* → *Стормозишь* – *людей разозлишь*.

II.2. Отпрецедентные дискурсивы, созданные на основе синтаксического трансформирования прецедентных текстов (710 СТ-дискурсивов), представляют собой явление наиболее свободного варьирования поверхностных структур (количества и типа предикативных основ, последовательности синтаксических позиций, синтаксического статуса сохраненных лексем или их замен, ритмики), приближающего данные дискурсивы к оригинальным, но не противоречащего узнаванию исходной прецедентной единицы. Например, *Нервные клетки не восстанавливаются* → *Нервные в клетке не восстанавливаются*; *Иные времена – иные нравы* → *Иные времена – иные правы*; *Каждой твари – по паре* → *Каждой твари – по харе*; серия отпрецедентных дискурсивов *Баба с возу – кобыле легче* → *Баба с возу – волки сыты* / → *И бабу с возу, и волки сыты* / → *Баба взводу – полковой кобыле легче* / → *Бабу с возу! Кобылу – в позу!* / → *Баба с возу – потехи час* / → *Баба с возу – кобыле приготовиться*.

СТ-дискурсивы демонстрируют сохраненные и нарушенные исходные фразовые контуры, в первых из которых длина текста, количество и последовательность лексем или предикаций примерно совпадают с исходными, во вторых – заметно меняются за счет распространений при исходных синтаксических позициях.

В условиях сохраненного фразового контура синтаксическое трансформирование демонстрирует ритмические варианты, паронимазийные и омофонные явления, сохранение лексем при смене их синтаксического статуса, повторение логики сюжета. Например: РКСТ-дискурсив *Добрый доктор Айболит всех излечит, исцелит* → *Добрый доктор Айболит. Вот за то он и сидит*; РСТ-дискурсив *Душа ушла в пятки* → *Ушла в пятки. Душа*. Вариации смысловых соотношений СТ-дискурсивов с исходными текстами включают передачу: 1) нового содержания при сохраненном предмете речи прецедента (*Слово не воробей – вылетит, не поймаешь* → *Слово не воробей, а последовательность символов алфавита*), 2) содержания, противоречащего исходному смыслу прецедента (*Обещанного три года ждут* → *Обещанного не всякий дождется*); *Накось, выкуси* → *На косяк, выкури*, 3) содержания, вводящего новый предмет речи (*А лес стоит загадочный, а сердце, сердце так стучит* → *А лес такой загадочный, а слез такой задумчивый*).

В условиях нарушенного фразового контура синтаксическое трансформирование соотносится с явлениями синтаксических интерпретативов, включенных и контаминированных прецедентных единиц. Включенные прецедентные единицы находятся в дискурсивном «текстово-синтаксическом подчинении» (термин см. [Дресслер 1978: 129]). Например: *Что делать? / Кто виноват?* → *Скажите: что делать? Кто виноват – и так все знают. Контаминированные* прецедентные единицы демонстрируют в одноименных дискурсивах разные типы нанизывания прецедентов: 1) свободный, приближенный к созданию оригинальных дискурсивов (*Нечего на зеркало пенять, коли рожа крива / Комната смеха* → *Чем на зеркало пенять, лучшие уйди из комнаты смеха*), и подчиненный, воспроизводящий структуру одного из объединенных прецедентов (*Броня крепка, и танки наши быстры!* / *Кишка тонка* → *Кишка тонка, и танки наши быстры!*); 2) подчинительный, когда один прецедент находится в логической зависимости от другого (частотные случаи, с союзным и бессоюзным оформлением) (*Береги честь смолоду, коли рожа крива* от *Береги платье снову, а честь смолоду / Нечего на зеркало пенять, коли рожа крива*), и противительный, когда один прецедент противопоставлен другому (нечастотные случаи) (*Хочется быть самим собой, но совесть не позволяет* от *Быть самим собой / Совесть не позволяет*). Смысловые вариации контаминированных дискурсивов заключены: 1) в специфичной маркированности исходных смыслов: в дискурсиве *Баба с возу – кобыла в курсе* исходные значения «без проблем лучше» (*Баба с возу – кобыле легче*) и «знать о чем-л.» (*Быть в курсе (дел)*) обновлены иронией в связи с абсурдным компонентом содержания «сознание животного»; 2) в новой логике ситуативного развертывания: в дискурсиве *За двумя зайцами погонишься – не вытащишь и рыбку из пруда* – «хочешь поймать рыбу – не гоняйся за зайцами»; 3) в обновленных образных

и автологических взаимосвязях исходных прецедентов: в дискурсиве *Еще лапша на ушах не обсохла* интерпретация может быть аналогичной смыслу «еще небольшого возраста и ума» (*Еще молоко на губах не обсохло*) или «еще не пережил какого-то обмана» (*Не вешай мне лапшу на уши*).

Анализ СТ-дискурсивов показал, что синтаксическое трансформирование прецедентов не может быть автономным критерием формирования дискурсивной текстовой парадигмы и реализуется вкпе с учетом звукобуквенной / лексической, ритмической пересекаемости дискурсивов и прецедентов и их смысловых соотношений. Например: в текстовой паре *Молоко вдвойне вкусней, если это Milky Way* → *Молоко вдвойне смешней, если после огурцов* узнаваемость прецедента обеспечена сохранением предмета речи (молоко), частичным сохранением синтаксической структуры (ср.: *Молоко вдвойне вкусней, если ...* → *Молоко вдвойне смешней, если ...*), ритмики, звукобуквенной / лексической пересекаемостью (ср.: *Молоко вдвойне [...]ней, если ...*), соотносительностью логической модели построения текстов, исходной и новой референций (ср.: предмет – *молоко*, атрибут предмета – *вкусней / смешней*, условие атрибута предмета – *если это Milky Way / если после огурцов*).

III. Изучение смысловых соотношений прецедентных текстов и дискурсивов показало, что определение их тематической принадлежности опирается как на прототипическое (прямое), так и идиоматичное (фразеологизированное) значения прецедента, а также знание привычной сферы его функционирования. Оба значения в большинстве прецедентов не совпадают и нередко противоречат друг другу на разных семантических основаниях. Например, в текстовой паре *Жизнь невозможно повернуть назад...* → *Фарш невозможно повернуть назад* при общей тематике непрерывного течения жизни представлены разные референции: абстрактный «предмет» жизнь и конкретный предмет «фарш», общее и частное содержания, серьезная и ироничная маркированность, семантика абсолютной и относительной необратимости процесса (можно взять другой кусок мяса и не превращать его в фарш, у человека нет другой жизни).

Учет конкурирующих идиоматичных и репрезентированных открытым текстом смыслов позволяет выявить тематическую общность (при аналогичности предмета речи и сферы его функционирования, логики ситуативного развертывания) либо тематическую переориентацию (при расхождении предметов речи и / или сферы их функционирования) соотносимых текстов. Тематическая общность дискурсивов и прецедентных источников характерна для случаев ритмико-синтаксического клиширования и прослеживается в сходстве идентифицирующей, дифференциальной, потенциальной семантики, а также коннотаций замещенных лексем и лексем-замен. Например, в текстовой паре *В каждой женщине должна быть своя изюминка* → *В каждой женщине должна быть*

своя безуминка слово *изюминка* и окказионализм *безуминка* использованы в значении «своеобразие, отступление от привычного, возможно от нормы», имеющем в известном контексте позитивные коннотации, а в дискурсиве – конкурирующие позитивные (мотивированы уменьшительно-ласкательным значением суффикса) и негативные (связаны с представлениями о безумии) коннотации. Тематическая переориентация демонстрирует принадлежность замещенных лексем и слов-замен к различным ЛСТГ, определяемым на основе словарных и контекстных значений. Например, омонимичная трактовка сохраненного слова *конец* в дискурсиве *Конец – телу венец* от прецедентного *Конец – делу венец*. Тенденции в сфере слов-замен заключены в частотном привлечении: а) разговорных, просторечных, грубо маркированных слов (*блевать, выкусить, дух* в значении «запах», *очухаться, перепиться*), б) слов, репрезентирующих тему низа или ассоциирующихся с ней (*клизма, голый, удовольствие* в значении «физиологическое состояние», номинации половых органов и др.), в) слов, называющих ментально осуждаемые явления или отсылающих к ним (*алкоголизм*). Коннотации здесь, несмотря на вторичность по отношению к денотативным компонентам значений, обуславливают специфику денотативно-содержательного аспекта дискурсивного материала, обращая внимание преимущественно не на смыслы, а игру с ними. Вариантом тематической переориентации является абсурдизация смыслов (в 15 % от общего числа исследуемых граффити), наблюдаемая в отпрецедентных дискурсивах на основе трансформации единичных или контаминированных прецедентов, иногда в оригинальных дискурсивах. Например: *Не строй глазки ножками!*; *Продается нервная система в отличном состоянии! Заводится с пол-оборота!*; *Учиться, учиться и учиться – три вещи несовместные!*

Выводы к главе содержат наблюдения о системном характере процесса освоения элементов культурного фона в исследуемом дискурсе, о ценностном отношении к действительности, к средствам и приемам ее репрезентации, выступающим источником информации о стиле жизни, менталитете социума и инновационном характере его субкультуры.

Стратегия освоения опирается на богатый с позиции социума «продуктивный ресурс» прецедентных единиц, их содержание («и нравственный закон, и здравый смысл» (Ф. И. Буслаев)) и форму, «пригодную» для выражения конкурирующих смыслов. Установлено, что тематическая переориентация и абсурдизация доминируют в социотворчестве над тематической общностью, свидетельствуя об активной установке на специфичное редуцирование исходных смыслов. Стратегия создания дискурсивов (в том числе отпрецедентных) демонстрирует актуальность параметров референтной отнесенности (предмета речи), ракурса репрезентаций и маркированности актуальных смыслов, степени производности дискурсивов, средств и приемов «художественной концентрации идей».

В связи с данными параметрами выявлено, во-первых, что характерными референтными сферами являются «интимная» сфера (частотность названий «предметов» низа или отсылки к ним); мораль и человеческие взаимоотношения (частотность смыслов отрицательного эмоционального и физического воздействия на человека, оценочно-отрицательного отношения к кому-, чему-л.); характеристики человека (преимущественно как обладателя негативных признаков); законность в обществе. Принципиальными для «распредмечивания» данных сфер в дискурсе являются частотные противоречия с традицией, смысловые оппозиции, использование языковых средств со значением противопоставления. Во-вторых, доминирующим ракурсом репрезентаций выступают эксплицированные или ассоциируемые ироничные (преимущественно скабрезные) смыслы, реже – минимизируемые образные смыслы (примитивизация содержаний). В-третьих, смысловые трансформации осуществляются в условиях ритмико-синтаксического варьирования прецедентных поверхностных структур (РСК-, РТСК-, РКСТ- и РСТ-дискурсивы), при котором фокусное положение (интерпретативное начало) закреплено за местами сбоя автоматического восприятия прецедентов. Сбои восприятия происходят в местах а) интерпретативов (лексических, синтаксических, добавленных предикатных структур); б) звукобуквенных / лексических обновлений; в) языковых и графических репрезентаций просодической и паралингвистической семантики; г) нового внутритекстового членения: пунктуационного, лексического, псевдолексического; д) ритмических нарушений; е) синтаксических трансформаций. В-четвертых, дискурс, оперируя любыми элементами системы языка (звуковыми комплексами, словами, словоформами, синтаксическими структурами), активно использует явления омонимии, паронимазийных модификаций, ассоциативных сближений, игры с рифмами (внутритекстовой, повторяющей или нарушающей рифму исходного текста), с ритмом, абсурдизации, использование внутритекстовых или межтекстовых повторений однокоренных слов, каламбура, парафрастических репрезентаций, метафоры, окказиональной аббревиации. Разнообразие и потенциал названных приемов, их комбинирование в отдельных дискурсивах свидетельствуют об установке на «нетиповой» (с точки зрения лингвистической, этической, ментальной нормы), игровой характер творчества.

Глава 3. Ключевые концепты неформального студенческого дискурса. Цель главы — исследовать ключевые концепты неформального студенческого дискурса на основе анализа ключевой лексической парадигмы.

Отправными в данной главе являются тезисы о том, что речетворческие предпочтения социума влияют на организацию дискурса, проявляются в факте насыщенной речевой разработки отдельных концептов. Свидетельством последней выступают факторы лексической повторяе-

мости и специфичной маркированности языковых средств, репрезентирующих интересные для социума предметы речи. Лексическая и семантическая повторяемость рассматривается как явление ключевой лексической парадигмы дискурса, специфичная маркированность репрезентаций – как отражение характерного ракурса восприятия действительности и установившихся в сознании ассоциативных связей между ментальными и языковыми единицами. Ключевая лексическая парадигма трактуется как специфично маркированный ментальный лексикон социума, воплощающий определенный когнитивный стиль репрезентаций (предпочитаемое «поведение индивида относительно целого ряда ситуаций и содержательных областей» [Демьянков 1994]). Когнитивный стиль отражает психологическую значимость определенных «предметов» и ракурса их видения, характерный набор средств и приемов оязыковлениия, создающие эффект стиля дискурса.

Методика вычленения ключевой лексической парадигмы включает в себя следующие процедуры: 1) упорядочение материала на основе факторов частотности слов, семантической близости, психологической маркированности для реципиентов; 2) минимизация «ключевого» списка через сопоставительный анализ традиционных словарных и разговорных, жаргонных репрезентаций с опорой на компонентный анализ и процедуру ступенчатой идентификации (метод см. [Кузнецова 1989: 36]), а также с учетом показателя «предела разграничения» лексической парадигмы (определен критерий в 1 % словоупотреблений); 3) формирование парадигмы имен концептов; 4) выявление социумно специфичного наполнения концептов на основе контекстного анализа функционирования ключевых слов.

Установлен абсолютно антропоморфный характер ключевой парадигмы, в которой наиболее актуальными номинациями человека являются гендерно маркированные названия женщины (1,7 % словоупотреблений) и мужчины (1,5 % словоупотреблений), рассматриваемые в качестве социумно специфичных репрезентантов концептов «женщина» и «мужчина», и гендерно не маркированные универсальные названия человека (включают микропарадигмы с общими семантическими признаками «профессия», «должностной статус», «вид деятельности», «интересы, взгляды, принципы», «принадлежащий какой-л. национальности, нации, государству», «не-взрослые») и общие (родовые) названия человека / совокупности людей, рассматриваемые в качестве репрезентантов специфично признакового концепта «человек» (3,2 % словоупотреблений): 188 лексем-номинаций человека и 75 собственных имен зафиксированы примерно в 40 %.

Ключевой характер парадигмы в дискурсе поддерживают реализации частотных парадигм числа и его производных, местоименных, зоонимных, а также разнофункциональных фиксаций глагола *быть*. Напри-

мер, дискурсивные реализации числа в сочетаниях или числовых субстантивах репрезентируют повторяющиеся реалии «количество людей» (*один человек, один студент, три гада, сто друзей, сто клиентов, три девицы, семь няnek*, а также *Один за всех и все на одного; Из двух влюбленных один всегда оказывается стервой*), «части (органы) человеческого тела» (*одна голова, 32 зуба*), «действия, события, явления в жизни человека» (*20 лет, три желания, одна / две / три беды, три вида секса или (какое-то количество раз) попробовать, услышать, выпить, отрезать, махнуть палочкой и пр.*), «порядок по счету, символизирующий 'очередь' значимости предмета или явления для человека» (*ешьте десерт первым; первые 10 секунд бесплатно; срывает крышу с первой рюмки, после второй рвешься в Ирак, а после третьей идешь искать своего папу; после первой не женятся и т. д.*).

Необходимым в исследовании является учет того, что, во-первых, концептосфера как совокупность «возможностей домысливания» в словарном запасе отдельного человека и языка в целом [Лихачев 1997] мотивирована не только универсальным и общенациональным знанием, но и выделением среди объектов действительности социально престижных и важных для субкультуры. Во-вторых, эксплицитных словарных единиц для представления одноименных концептов дискурса недостаточно и относительно полный доступ к содержанию концепта осуществляется через анализ дискурсивов. Последний позволяет выявить специфичные детали, свойства, когнитивные признаки, выделяемые в фокализуемых объектах действительности на основе ментальных и психических ресурсов сознания социума, специфики эмоциональных, экспрессивных, оценочных тенденций в репрезентациях действительности.

Выявлено, что моделирование социумно специфичного содержания наиболее актуального в дискурсе концепта «женщина» осуществляется в пределах следующих тематических сфер: 1) женщина в отношениях с окружающими людьми: отношение к людям, предмет отношения других людей (родовые номинации *женщина, баба, дама, особи женского пола*; видовые номинации *милая* (сущ.), *любимая* (сущ.), *звезда, красавица, девка, дура, дева, царевна, дивчина баба, начальница Тамара* и др.), 2) женщина в семейных отношениях (видовые номинации женщины с общей семантикой «статус внутри семьи» – *жена, теща, мама, бабушка* и «статус вне семьи» – *любовница, подруга, подружка*), 3) интеллектуальные характеристики женщины (номинации *баба, девицы, девушка, девочка, студентка с химфака, электричка, дура, придурочка, лохушка, мудрый чувак*), 4) внешние проявления и черты характера женщины (внешний вид, поведение) (номинации *баба, дама, девушка, девчонка, женщина, лесбиянки, голая* (сущ.), *оказиональное фальшивоминетчица*, а также бранные и зоонимные номинации). Словарная дефиниция (МАС) обнаруживает «скудную» семантику 'лицо женского пола, взрослая, со-

стоящая или состоявшая в браке', однако комплексный анализ дискурсивов позволяет выявить характерные для функционирования «женских» номинаций когнитивные аспекты стиля репрезентаций:

а) «интимный»: *Лучше с **телкой** со стройфака, чем один на груди шлака*;

б) ироничный (скабресный), отражающий преимущественно мужское видение женщины: ***Электричка** – особь женского пола с **электрофака**, способная за 5 лет выучить, как правильно вкручивать лампочку; **Баба** должна быть как скорая помощь – чистая, бесплатная и доступная*;

в) негативно маркированный: актуальные признаки «небольшой ум» (*Дед Маразм и **придурочка**; **Кобыла** черномозговая*); «низшее существо» (*Несмотря на то, что **женщина** несколько миллионов лет живет **рядом с человеком**, в ее поведении и образе жизни остается еще много загадочного и непонятного*); «существо наравне с предметом» (*Лучше **пиво** в руке, чем **девица** вдалеке*);

г) оппозитивный в отношении традиционных представлений о предмете номинации (актуальные признаки 'любимая / нелюбимая'; 'единственная / неединственная'; 'хрупкая, нежная' / 'большая, грубоватая, физически сильная'; 'равноправный / подчиненный сексуальный партнер мужчины'; 'бескорыстная / жаждущая выгоды'; 'покладистая / с нестерпимым характером'; 'скромная / сексуально раскрепощенная'; 'красивая, сексуально привлекательная / некрасивая, сексуально непривлекательная'; 'молодая / старая'; 'относящаяся к престижному / непрестижному факультету' и др.): *Дети – уроды, муж с **теплофака** – Вот что тебя ждет, **студентка с химфака**; **Вера** может двигать горы! Она колоссальная баба; Пессимист утверждает, что все **женщины** – **иллюхи**, а оптимист на это надеется*.

Концепт «мужчина» является чуть меньше насыщенным, однако разрабатывается в пределах тех же тематических сфер. Несмотря на абсолютно позитивный характер дефинитивно представленной семантики слова «мужчина» («сильный, отличающийся мужеством, твердостью» [МАС]), в дискурсе фиксируется большое количество слов с заложенными в семантику или контекстно обусловленными негативными коннотациями (родовые номинации *мужик, мужчина, дядька* (в значении 'взрослый мужчина вообще') и видовые номинации *глупец, голубой* (сущ.), *дед, дедушка, друг* (друзья), *дудак, дурак, дурачина, баран, кабан, квазимодо, лох* (лохи), *милый* (сущ.), *мудак, мудрец, отец, папа, производитель, рыбак, старик, старшина, товарищ* и др.). Многие из номинаций не представлены в нормативных словарях и бытуют в основном в качестве оскорблений (*Дед Маразм и придурочка; Круглые **дураки** в люди не выходят – их выкатывают; Не поминайте **ЛОХОМ**...; Крепче за шоферку держись, **баран***). Анализ дискурсивов свидетельствует, что креатив социотворчества в связи с использованием «мужских» номинаций заклю-

чен в редукции традиционных представлений о мужских качествах ('презрение к врагам (конкурентам), бесстрашие', 'способность дружить', 'мужественность', 'подверженность опасности', 'ум', 'достойное поведение', 'рыцарь одной женщины'), что объясняет доминирование иронично-уничижительных репрезентаций мужчины через приписывание ментально «немужских» качеств ('жажда выгоды и корысть'; 'несостоятельность (интеллектуальная, финансовая, сексуальная), лень, примитивная организация'; 'безответственное отношение к семье, к детям'). Например, *Хорошие мужики на дороге не валяются. Они лежат на диване; Путь к желудку мужчины лежит через рот.* Характерной для моделирования концепта в дискурсе является частотная обращенность к табуированным «физиологическим» смыслам и негативным оценкам: «состояние 'мужского' здоровья», «отправление естественных надобностей», «нетрадиционная сексуальная ориентация», «'мужская' беременность», «'детское' стремление к сексу», «психическое, физическое нездоровье» (ср.: *Не трогай мужчину за живое, особенно утром!; Яйца мужчине учат; Я узнал, что у меня есть огромная семья: Мак и белый порошок, Конопля большой мешок, Водка, пиво разливное – Это всё моё родное. Всё на свете для меня. Наркоман, наверно, я?!; Иван Панов ШИЗОФРЕНИК*).

Универсальные языковые репрезентации концепта «человек» объединяют разнообразные номинации, не акцентирующие внимания на оппозиции «мужчина – женщина» и признаке «характерный для мужчины / женщины» (115 лексем почти в 300 дискурсивах). На основе идентифицирующей и частично дифференциальной семантики выделены группы слов с общей семантикой 1) «профессия, вид деятельности, должностной статус» (*водитель, гинеколог, диктор, партнер, патологоанатом, шеф* и др.), 2) «интересы, взгляды, принципы» (*вегетарианцы, коммунисты*), 3) «национальная принадлежность» (*иностранцы, русский, хачик*), 4) «не-взрослые» (*дети, ребята*), 5) «отношение к жизни» (*оптимист, пессимист, реалист*, с учетом контекстов первые два вошли в концептуальную парадигму «мужчина»).

Внутри наиболее многочисленной первой группы выделены лексемы «профессионально размытой» парадигмы и соотносящиеся с конкретными профессиональными сферами «вузовский социум» и «силовые структуры».

«Профессионально размытую» парадигму составляют в основном разовые апелляции к конкретным номинациям, большое количество которых свидетельствует о непринципиальности семантики «конкретной профессиональной принадлежности» и использовании их в актуальных для социума признаков репрезентациях: 1) социумно значимых (обычно с семантикой «отступления от нормы и традиции»), 2) сниженных (грубых, ироничных) или абсурдных, 3) персонифицированных (соз-

дающих впечатление сиюминутной реализации дискурсива во внутренней или внешней речи продуцента). Например, 1) *Ревизор оказался недоверчивым и трижды пересчитал взятку*), 2) *Улыбайтесь, шеф любит идиотов; Каждую секунду программист, тыкая в клавиши, давит на- смерть не менее 1000 микробов*), 3) *Я знаю точно наперед: Сегодня кто-нибудь умрет. Я знаю - где, я знаю – как, Я – не гадалка, я – маньяк*.

Конкретизированные парадигмы включают номинации субъектов вузовского и силового социумов (*студент, преподаватель, лектор, ректор и солдат, генерал, инспектор ГИБДД, судья, участковый, пешеходы* и др.), отражая процесс рефлексии субъекта дискурса в отношении себя и соотносящихся с ним социумов (например, потенциальная ответственность социума к армии (призывной возраст) и к дорожно-патрульной службе (большинство студентов – автолюбители)).

- Парадигма названий лиц вузовского социума (17 номинаций, 10 собственных имен, фиксации в 115 дискурсивах) включает названия лиц обучаемого / подчиненного звена (*абитуриент, ботан (ботаны), ботаник, студент (студенты), студентка, металлурги, экономисты, неандерталы*) и лиц обучающего / подчиняющего звена (*препод, преподаватели, профессор, лектор, ректор, декан, учёные, экзаменатор* и окказиональные *экономик, Чебуректор, Чебулектор*). Названия лиц обучаемого / подчиненного звена функционируют в основном в связи с тематикой соперничества между вузами, факультетами и тематикой свободного времяпрепровождения студентов. Характерным для них является выражение негативной или иронично маркированной оценки предмета речи (вуза, факультета и их представителей): *Металлурги хуже всех, ФГО – придет успех!, Ботаны forever! Рульные челы!* – либо параллельно реализуемых значений «нежелание работать (добросовестно учиться)» и «интересные для социума занятия» (употребление спиртных напитков, курение, отношения с представителями разных полов): *От сессии до сессии живут студенты весело: Сегодня водка, завтра пиво, И девок куча подвалила. Будем трахаться и пить, А на предметы нам забить?; Студент, помни – женщина во время сессии, это как доктор для твоей зачетки; Водка – враг студента, студент врагов не боится.* Названия лиц обучающего / подчиняющего звена демонстрируют высокую совместную встречаемость с названиями лиц обучаемого / подчиненного звена, позволяющую передать характерную семантику а) объекта отрицательного физического воздействия (*Убей лектора – спаси студента!; Если бы небо слышало молитвы студентов, то на свете не осталось бы ни одного живого преподавателя*), б) объекта фамиллярного общения (*Проваливай! – буркнул студент экзаменатору; Лектор, делай свое дело МОЛЧА!; Кнопка послать препода за пивом*), в) объекта отрицательных, ироничных, уничижительных оценок (*чебулектор, приколоться, загнать в капкан, мычать, бесить, мертвый,*

позорный), г) субъекта подчеркнуто оппозитивных отношений с лицами подчиненного звена (*Если хочешь быть солдатом, обругай декана матом; Кто не писал контрольных с бодуна, тот не узнает как вода вкусна, тот не поймет к преподу любовь, ведь он еще попортит детям кровь*).

- Названия лиц силового социума включены в основном в ироничные репрезентации, отражающие неприятие связанных с ним «отклонений от нормы»: для «армейских» номинаций – актуальные признаки «подверженный произволу командиров», «используемый не по назначению, для тяжелого труда», «действующий нелогично», «неорганизованный» (*Товарищи солдаты, песню надо орать так, чтобы мышцы на жопе дрожали; Два солдата из стройбата заменяют экскаватор, а один из ВДВ заменяет их вдвойне; Наша армия непобедима только потому, что она действует вопреки логике и здравому смыслу*), для «милицейских» – «незаконопослушный» (*Ничто так не повышает квалификацию водителя, как едущая за ним милицмейская машина; ... и долго бился головой о сапоги участкового... (из протокола)*).

Остальные лексические группировки в парадигме универсальных номинаций человека в целом повторяют тенденцию «отступления от нормы» в дискурсивных репрезентациях предмета речи. Например,

- функционирование названий человека с актуальной семантикой «принадлежащий какой-л. национальности, нации, государству» (*иностранцы, американцы, джигит, горцы, грек, грузин (грузины), жиды, китайцы, негры, русский, талибы, хачи, хачик*) отличается смеховой, ироничный, уничижительный стиль репрезентаций, обращение к табуированной «интимной» и националистически окрашенной тематике. Признаковые репрезентации имеют в своей основе закрепившиеся в российской среде относительно устойчивые негативные представления о лицах отдельных национальностей (назойливое присутствие многочисленных китайцев, деловитость американцев, вездесущность евреев, кровные обычаи и сексуальная активность горцев и пр.), например: *... Там в кустах на теле Зины Лихо ерзают грузины; Американцы, нууу тупые, до сих пор все измеряют фунтами и милями, нет, чтобы китайскую рулетку купить*. Исследуемые номинации используются в основном для выражения семантики «объект любви / нелюбви», «объект отрицательного физического воздействия» (*Да, да мы любим негров; Злопамятность горцев уходит в то далекое время, когда первой обезьяне давали по заднице*), а также для выражения иронично либо скабрезно маркированной семантики «голубая любовь», «животные» проявления (*... И люблю и ту и эту – ... Бабу Клаву, бабу Зину, И Данилу, и грузина...*).

- К особенностям функционирования названий человека с общей семантикой «не-взрослые» (*дети, детка, дитя, ребенок, ребята*) отно-

сится преимущественно игровое их использование для «недетских» репрезентаций, фактически пополняющих парадигму номинаций лиц вузовского социума и выявленные в связи с ними когнитивные признаки («пьяное / трезвое дитя (студент)», «дитя (студент), любящее препода в состоянии похмелья», «студенты с детским или несерьезным отношением к жизни»): *Дети в школу собирались – мылись, брились, похмелялись... (ауд. Фт-401); Кто не писал контрольных с бодуна, тот не узнает как вода вкусна, тот не поймет к преподу любовь, ведь он еще попортит детям кровь*. Характерным является участие данных номинаций в репрезентации табуированных, натуралистичных, ироничных, абсурдных смыслов, общей тенденцией которых выступает противоречие с традиционными представлениями о детях (актуальные признаки «физически и умственно нездоровые», «курящие», «мертвые», «брились», «похмелялись», «предмет интерьера»), например: *Прогресс сделал розетки недоступными большинству детей – умирают самые одаренные; Куренье – яд, яд – смерть, смерть – сон, сон – здоровье, курите, дети, на здоровье; Даже самую унылую комнату оживят самые обычные дети, красиво расставленные по углам*.

Общие (родовые) названия человека / совокупности людей (*индивид, индивидуальность, личность (личности), люди, люд, народ, общество, существо, толпа, чел (челы), человек, человечек, человечество*) в своем языковом значении обозначают человека как существо или совокупность существ, обладающие мышлением, речью (зафиксировано 13 лексем в 116 дискурсивах). Однако в дискурсе функционирование данных номинаций, помимо обобщенных, связано с конкретизированными репрезентациями человека, приближающими данные номинации к «мужской», «женской» и «студенческой» парадигмам (*Вот и верь после этого людям, Целовал он меня при луне, А потом взял мои белые груди ...; Если человек умеет превратить свои слабости в силу, значит он женищина*). Функционирование данных номинаций отличают частотные включения в содержания, оппозитивно организованные с помощью разнообразных явлений контекстной антонимии, характеризующей предмет речи и его признаки. Ср.: а) контекстные противопоставления человек / человечек в дискурсиве *Человек может быть только добрым и злым, а добреньким или злобным может быть только человечек; человек / женищина* в дискурсиве *Несмотря на то, что женищина несколько миллионов лет живет рядом с человеком, в ее поведении и образе жизни остается еще много загадочного и непонятного; летальный / летать* в дискурсиве *При прохождении через человека тока величиной 0.01 ампера наступает летальный исход, после чего он летать уже не может...; право / лево* в дискурсиве *Каждый человек имеет право на лево; в том числе одновременно приложимые к одному предмету речи: высокий / маленького роста* в дискурсиве *Шел высокий человек маленького роста ...;*

порядочный, скромный / не умеет этого показать в дискурсиве *Бывает так, что человек и порядочный и скромный, а вот не умеет этого показать*); б) амбивалентное использование языковых единиц (прецедентное высказывание *медицина бессильна* в дискурсиве *Если человек по-настоящему хочет жить, то медицина бессильна*). Признаковый ряд, актуализированный в связи с функционированием исследуемых номинаций, демонстрирует в основном сингулярность и негативную маркированность, а также тенденцию в репрезентации «особой» признаковости предмета номинации. Наиболее частотны здесь признаки «объект отрицательного воздействия», «носитель негативного признака»: *Мелкие дела порождают и мелких людей; По мнению некоторых личностей, студенты – единственная часть общества, которая может выжить без; ...Быть одному потому, что людей не осталось...; Если человек умеет превратить свои слабости в силу, значит он женщина* (актуальная семантика особой хитрости, изворотливости у женщин); *Человек становится взрослым, когда в нем умирает студент; Ботаны forever! Рупьные челы!* («особое» положение студенческого социума или отдельных его представителей); *В этом мире ты всего лишь человек, но для кого-то ты весь мир!* (особый статус любимых людей в сравнении с нелюбимыми); *Нет такой чистой и светлой мысли, которую бы русский человек не смог бы выразить в грязной матерной форме* (особое качество русских).

Исследование ключевых концептов неформального студенческого дискурса с опорой на анализ ключевой лексической парадигмы позволило сделать следующие выводы. Важнейшими чертами стиля неформального студенческого дискурса, соотносимыми с реализациями ключевой парадигмы, выступают креативность и оппозитивность, которые достигаются типичным отклонением от норм – этической, лингвистической, когнитивной, ментальной и собственно ожидаемой в конкретном дискурсе. Стремление к «отклонению от нормы» (востребованные специфичные значения, доминирующие коннотации) отражает содержание мышления социума, особенности его психического и духовного облика. Стиль дискурса проявляется в стабильности «технологических» подходов к созданию граффити. «Технология» объединяет в себе: 1) игнорирование ментальных запретов и бравадно-ироничное обыгрывание табуированной тематики, предметов речи, в том числе с использованием табуированных или стилистически сниженных языковых средств с доминирующими негативными коннотациями (частотность тематики здоровья, членовредительства, смерти, интимной, социально значимых проблем, морально-этического состояния общества и отдельного человека); 2) частотный окказионально игровой характер речетворчества, актуализирующий оригинальные и сингулярные смыслы и ассоциации, реализуемый преимущественно в рематичных фрагментах граффити; 3) оппозитивный характер речетворчества, проявляющийся в оппозициях предметов номинаций

(студент – ребенок, человек – женщина) и чаще свойств предметов, характеризующих некое множество людей (*дети брились, похмелялись; женщина несколько миллионов лет живет рядом с человеком*), а также в единичных репрезентациях банального соответствия традиции и в частотной противопоставленности ей; 4) частотная диалогичность дискурсивов (серьезная или смеховая), обусловленная категоричным стилем выражения содержания социального звучания (проблемы морали, здравоохранения, образования, правопорядка и др.), репрезентированных в характерных для дискурса умозаключениях, утверждениях, констатациях, репрезентациях условия-следствия.

В заключении обобщены основные результаты и намечены перспективы исследования. Лингвокультурологический и социолингвистический подходы к студенческим граффити обусловили актуальность квалификации социума-граффитиста как самостоятельного социально-психологического субъекта общего дискурса, относительно свободного от внешних табу в сфере тематики, способов и средств ее воплощения, а также позволили по-новому охарактеризовать граффити как синкретичное явление, представляющее собой особый модус языковой действительности. Последний в соответствии с социотворческими установками отличают 1) глоссовая организация («смешение» языков и стилей), 2) функционализация и специфичная маркированность контекстуализованных языковых средств и дискурсивов в целом (отклоняющаяся от усредненных представлений насыщенность формально-содержательных, стилистических и экспрессивных, в т. ч. окказиональных, средств оформления мысли), 3) активное игровое начало (разнообразие приемов стилистического транспонирования, разного рода контрасты, оппозиции, отклонения от нормы, вплоть до абсурдизации репрезентируемых явлений), 4) склонность к карнавальному мироощущению и нацеленность на создание «неожиданных» (сингулярных) смысловых и коммуникативных эффектов.

Исходя из проведенного анализа дискурсивной стратегии социотворчества, можно утверждать, что исследуемый дискурс обладает единым социотворческим стилем, отражающим мыслительные, референциальные, языковые предпочтения социума, т. е. «технологическую» инвариантность дискурсивов. Инвариантность есть следствие общности в мироощущении социума, проявляется в предсказуемости тем, фокусируемых «предметов», актуальных концептов, маркированных языковых средств и коммуникативно-прагматических эффектов (например, преимущественно бравадно-ироничный стиль репрезентаций с доминирующими негативными коннотациями, сингулярность, диалогичность дискурсивов).

Антропоцентричность социумного сознания отражена прежде всего в выявленной ключевой лексической парадигме дискурса, ядро которой составляют номинации человека и его признаков, выступающие номи-

нантами наиболее разрабатываемых в социотворчестве концептов. Конкуренция с ментальными представлениями в репрезентации последних отражает инновационный характер исследуемой субкультуры.

Заданные аспекты исследования обусловили актуальность анализа стратегии освоения элементов культурного фона в дискурсе, в частности в аспекте референтной отнесенности и средств «художественной концентрации идей». Среди первых выявлены наиболее характерные для дискурса сферы: интимная, морали и человеческих взаимоотношений, характеристики человека, законности в обществе. Среди вторых тенденцию составляют оппозитивные репрезентации, осуществляемые сменой констатирующего употребления дискурсивов при формальной идентичности с прецедентными текстами, включением различных интерпретативов, нанизыванием прецедентных текстов в рамках одного дискурсива, внутри-текстовым редуцированием разноуровневых языковых единиц – от звукобуквы до вариаций лексического наполнения, ритмико- и структурно-синтаксических схем (использование омонимии, паронимазийных модификаций, ассоциативных сближений, игры с рифмами, с ритмом, окказиональной аббревиации и др.).

Данное исследование открывает перспективы для дальнейшей разработки вопроса критериев, приемов вычленения, статусных факторов ключевых дискурсивных парадигм, иных способов и аспектов трансформирования общего культурного фона в современном дискурсе, проблемы текстового статуса примитивных синтаксических структур и теории дискурсивного текста и др. Исследование неформального молодежного социотворчества имеет прогностическую ценность для исследования речевого, языкового и в целом культурного состояния общества.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях.

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ:

1. Жаргон в речи студента / А. Ю. Ларионова // Вестн. УГТУ-УПИ. № 6 [26]. Екатеринбург, 2003. С. 48–52 (0,2 п. л.).
2. Контаминированный характер речи студентов как реакция на влияние социума / А. Ю. Ларионова // Вестн. УГТУ-УПИ. Сер. Филология. № 8 [60]. Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ-УПИ, 2005. С. 141–149 (0,6 п. л.).
3. Квазифразеологизмы в молодежной субкультуре / А. Ю. Ларионова // Вестн. УГТУ-УПИ. Сер. Филология. № 8 [60]. Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ-УПИ, 2005. С. 216–226 (0,7 п. л.).
4. «Обманутое ожидание»: о сингулярном принципе построения текста / А. Ю. Ларионова // Вестн. УГТУ-УПИ. Сер. Филология. № 3 (74).

Ч. 3: Язык и культура: методика преподавания филологических дисциплин. Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ-УПИ, 2006. С. 274–286 (0,6 п. л.).

5. О ключевой лексике неформального студенческого дискурса: модель анализа / А. Ю. Ларионова // Вестн. Южноурал. гос. ун-та. Сер. Лингвистика. Вып. 4, № 1 [73]. Челябинск, 2007. С. 16–23 (0,75 п. л.).

6. Студенческое граффити как дискурсивный текст / А. Ю. Ларионова // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2. Гуманитарные науки. Вып. 14, № 53. Екатеринбург, 2007. С. 120–129 (0,85 п. л.).

7. Концепт «мужчина» в студенческих граффити: разнообразие номинаций и социумно специфичная маркированность / А. Ю. Ларионова // Изв. Рос. гос. пед. ун-та имени А. И. Герцена. № 12 (84). Сер. Общественные и гуманитарные науки (философия, история, социология, политология, языкознание, экономика, право, культурология, педагогика, психология, методика обучения): Научный журнал. СПб., 2008. С. 135–147 (1 п. л.).

8. Особенности номинации человека в неформальном студенческом дискурсе / А. Ю. Ларионова // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Русский и иностранные языки и методика их преподавания. № 2. М., 2009. С. 36–44 (0,8 п. л.).

9. О функционировании общих названий человека в студенческом речетворчестве / А. Ю. Ларионова // Вестн. Южноурал. гос. ун-та. Сер. Лингвистика. Вып. 9, № 25 [158]. Челябинск, 2009. С. 18–23 (0,7 п. л.).

Монографии:

10. Неформальный студенческий дискурс в социолингвистическом и лингвокультурологическом аспектах (на материале граффити) : монография / А. Ю. Ларионова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. 392 с. (26,5 п. л.).

Публикации в сборниках научных трудов и материалах научных конференций:

11. Проблема культуры общения – проблема культуры речи / А. Ю. Ларионова // Русский язык и культура (изучение и преподавание). М., 2000. С.59–60 (0,2 п. л.).
12. Речевой этикет: необходимость и реальность / А. Ю. Ларионова // Виноградовские чтения : Прагматические аспекты грамматической и лексической семантики : тез. докл. науч. конф., 2 февраля 2000 г. М., 2000. С. 45 (0,2 п. л.).
13. К вопросу о вербальном имидже человека / А. Ю. Ларионова // Язык и культура: матер. регион. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2001. С. 40–42 (0,1 п. л.).

14. К вопросу о речевой культуре иностранцев / А. Ю. Ларионова // Лингвокультурологические проблемы толерантности. Екатеринбург: УрГУ, 2001. С. 243–244 (0,2 п. л.).

15. Новый облик устойчивых словосочетаний / А. Ю. Ларионова // Актуальные проблемы русского языка и культуры речи : тез. докл. и сообщ. III Всерос. школы-семинара. Иваново, 2004. С. 71–73 (0,1 п. л.).

16. Коммуникативные предпочтения в речи студентов / А. Ю. Ларионова // Совершенствование языковой компетенции и культуры речи в вузах негуманитарного профиля : сб. науч. тр. Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2004. С. 51–59 (0,45 п. л.).

17. Прецедентные тексты в молодежной речи (на материале квазифразеологизмов) / А. Ю. Ларионова // Новая Россия: новые явления в языке и в науке о языке : матер. Всерос. науч. конф. 14–16 2005 г. Екатеринбург, Россия / под ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. С. 454–460 (0,4 п. л.).

18. О социокультурной специфике инноваций в неформальном студенческом дискурсе / А. Ю. Ларионова // Риторика и лингвокультурология : матер. междувуз. науч. конф., посвящ. юбилею Урал. гос. пед. ун-та, Екатеринбург, 25–26 ноября 2005 г. / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2005. С. 57–63 (0,3 п. л.).

19. Студенческий социум и его дискурс / А. Ю. Ларионова // Речевая коммуникация на современном этапе : социальные, научно-теоретические и дидактические проблемы : матер. международ. науч.-практ. конф. 5–7 апреля 2006 г. Ч. 1. М.: МГУС, 2006. С. 136–141 (0,45 п. л.).

20. Дискурсивная специфика как следствие современного «культурного распределения» / А. Ю. Ларионова // Русистика в условиях глобализации : современное состояние и тенденции : тез. КАПРЯЛ. Пекин, 2006 (0,1 п. л.).

21. О некоторых приемах освоения прецедентных текстов в неофициальном студенческом дискурсе / А. Ю. Ларионова // Русская речь в современном вузе : матер. Второй международ. науч.-практ. интернет-конф. / отв. ред. д. п. н., проф. Б. Г. Бобылев. 15 октября–15 декабря 2005 г., ОрелГТУ. Орел: ОрелГТУ, 2006. С. 98–102 (0,3 п. л.).

22. Отношения предпочтения в дискурсе: аспекты анализа / А. Ю. Ларионова // Изв. УрГПУ. Сер. Лингвистика. Вып. 19 / Урал. гос. пед. ун-т / отв. ред. А. П. Чудинов. Екатеринбург, 2006. С. 232–247 (1 п. л.).

23. «Территория праздника» в студенческом дискурсе / А. Ю. Ларионова // VERBUM: язык, текст, словарь : сб. науч. тр.: Посвящ. юбилею Л. Г. Бабенко. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. С. 363–375 (0,7 п. л.).

24. Граффити как синкретичный тип естественной речи (на материале неформального студенческого дискурса) / А. Ю. Ларионова // Докл. Международ. науч.-практ. конф. «Технологии и инновации в педагогике, психологии и лингвистике»: сб. Вып. 7. М.: НОУ МЭЛИ, 2006. С. 421–438 (0,35 п. л.).

25. Актуализация формального плана текста в аспекте дискурсивной специфики социума (на материале граффити) / А. Ю. Ларионова // Мова : Науково-теоретичний часопис з мовознавства. № 11. Одеса: Астропринт, 2006. С. 94–101 (0,75 п. л.).

26. Условия вхождения текста в социум / А. Ю. Ларионова // Классический университет в российском образовательном пространстве : сб. матер. международ. науч.-метод. Конф. 11–12 октября 2006 г. Пермь, 2006. С. 133–134 (0,1 п. л.).

27. Оппозитивность как стиль неформального студенческого дискурса / А. Ю. Ларионова // III международ. науч. конф. «Язык, культура, общество» (Москва, 27–30 сентября 2007 г.) : тез. докл. М., 2007. С. 265–266 (0,15 п. л.).

28. О дискурсивной специфике студенческого социотворчества (на материале вторичных текстов) / А. Ю. Ларионова // Теоретическая семантика и системная лексикография: эволюция интерпретаций на рубеже веков : тез. докл. и сообщ. Всерос. науч. конф., посвящ. 80-летию Э. В. Кузнецовой, 8–9 нояб. 2007 г., Екатеринбург, Россия / под ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2007 (XVI Кузнецовские чтения). С. 79–82 (0,2 п. л.).

29. Концепт «женщина» в студенческих граффити / А. Ю. Ларионова // Иностранные языки и литература в международном образовательном пространстве: сб. науч. тр. Т. 1. Екатеринбург, 2007. С. 375–383 (0,45 п. л.).

30. Социолект, дискурс, социум: отношения обусловленности / А. Ю. Ларионова // Инновации в исследованиях русского языка, литературы и культуры. Конф. МАПРЯЛ, Болгария, Пловдив (31.10. – 03.11.2006). Сб. докл. Университетское изд-во «Паисий Хилендарский». Пловдив, 2007. Том 2. С. 55–61 (0,5 п. л.).

31. Контекстно-конситуативное освоение прецедентных текстов в неформальном студенческом дискурсе / А. Ю. Ларионова // Русский язык : человек, культура, коммуникация : сб. статей. Екатеринбург: УГТУ–УПИ, 2008. С. 339–344 (0,45 п. л.).

32. Общие названия человека / совокупности людей в студенческих граффити: особенности функционирования / А. Ю. Ларионова // Современная языковая ситуация в свете лингвокреативной деятельности : матер. Международ. науч. конф. «Язык. Система. Личность: Лингвистика

креатива» Екатеринбург, 24 апреля 2008 г. / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2008. С. 95–100 (0,3 п. л.).

33. Дискурсивные реализации слова в аспекте лексикографических и издательских проблем / А. Ю. Ларионова // Книжное дело: достижения, проблемы, перспективы : Матер. Международ. науч.-практ. конф. Вып. 2. Екатеринбург: УГТУ–УПИ, 2009. С. 227–233 (0,5 п. л.).

34. О PR-составляющей неформального студенческого дискурса / А. Ю. Ларионова // Связи с общественностью в деловой сфере : коммуникативные, социальные, политические аспекты : матер. Международ. науч.-практ. конф., 22–24 мая 2009 г. Рос. гос. ун-т туризма и сервиса Калинингр. фил. Калининград: ООО «Аксиос», 2009. С. 23–27 (0,4 п. л.).

35. О словарном значении и дискурсивных реализациях ключевых слов / А. Ю. Ларионова // Книжное дело: достижения, проблемы, перспективы – II : сб. тез. Екатеринбург: УГТУ–УПИ, 2009. С. 31–33 (0,2 п. л.).

36. Неформальные дискурсивные практики как явление естественной городской речи / А. Ю. Ларионова // Русский язык: человек, культура, коммуникация – II. Екатеринбург: УГТУ–УПИ, 2010. С. 72–78 (0,35 п. л.).

37. Редукция ментальных оснований как фактор субкультурных проявлений в современном речетворчестве (на материале студенческих граффити) / А. Ю. Ларионова // Матер. международ. конф. «Ахановские чтения» под эгидой МАПРЯЛ «Язык – Общество – Время» / науч. ред. Э. Д. Сулейменова. Алматы: Қазақ университеті, 2010. Т. 2. С. 55–59. (0,35 п. л.).

Подписано в печать. Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 2,5. Тираж 100 экз. Заказ № 10

Отпечатано в типографии
ИПЦ «Издательство Уральского университета»
620000, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4